

Алексей Митрофанов
Солянка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Солянка. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Солянка. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930433-9

Улица Солянка — небольшая, кривенькая, задумчивая. Вроде бы и центр, но пресловутый «тихий центр», который до сих пор по неизведанным причинам остается тихим. Да, там ездят машины и даже троллейбусы. Но все равно — есть ощущение старой, заповедной, замшелой Москвы.

ISBN 978-5-44-930433-9

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

На руинах гостиницы	6
Среднерядье	14
Трактир Лопашова и другой общепит	17
Дипломатическое представительство эпохи Юшки Урви Хвост	20
Древнерусская готика	22
Боярский модерн	26
Главная резиденция московских чертей	27
Кириллица	30
Обитель Салтычихи	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Солянка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4493-0433-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улица Солянка – небольшая, кривенькая, задушевная. Вроде бы и центр, но пресловутый «тихий центр», который до сих пор по неизведанным причинам остается тихим. Да, там ездят машины и даже троллейбусы. Но все равно – есть ощущение старой, заповедной, замшелой Москвы.

Собственно, – Солянка это часть древней Владимирки. Что понятно, ведь направление улицы восточное, при желании отсюда очень просто выбраться на пресловутое шоссе Энтузиастов – тоже часть Владимирского тракта, названного так уже при советской власти в честь заключенных царского периода. При этом предполагалось, что «все они, убийцы или воры», в действительности – борцы за свободу рабочего класса. Пусть даже путем убийства или воровства. Это у них протест такой, да и среда заела.

Мы, однако, выберем иное направление (одной улицей Солянкой, разумеется, не ограничимся, она в длину всего-то полкилометра). Варварка – Славянская площадь – Солянский проезд – Солянка – Яузская улица – Верхняя Радищевская улица – Таганская площадь – Таганская улица.

А дальше – куда любопытство заведет.

На руинах гостиницы

Гостиница «Россия» (Варварка, 6) построена в 1963—1969 годах по проекту архитектора Д. Чечулина. В настоящее время снесена.

Первая часть нашего маршрута – Варварка (во времена СССР – улица Разина), самая южная улица Китай-города. До революции славилась обилием церквей и разудалых кабаков, что нашло отражение в литературе. В частности, именно на этой улице происходит действие песни на стихи Л. Трефолева про камаринского мужика:

И как на улице Варваринской
Спит Касьян, мужик камаринский.
Борода его сдохлоченная,
Вся дешевочкой подмоченная.
Свежей крови струи алые
Да покрывают щечки впалые.
Уж ты милый друг, голубчик мой Касьян,
Да а сегодня ты вменинник, значит – пьян.

Правда, ярославцы полагают, что имеется в виду другая улица – Варваринская в Ярославле. Но у москвичей иное мнение.

Зато уж принадлежность старого московского романса «Шел я улицей Варваркою» не оспаривает никто:

Шел я улицей Варваркою
Со знакомою кухаркою
На праздничек в воскресенье,
Завернул я в заведение;
Приказал чайку две парочки:
Для себя и для кухарочки
И для пущего веселия —
Смирновского изделия
Приказал подать бутылочку,
Угостить свою я милочку...

Самым же примечательным местом Варварки был так называемый Варварский крестец – площадь в начале улицы. Аполлинарий Васнецов писал о ней: «Шумная суетливая жизнь кипела на этом бойком месте старой Москвы. Здесь находились кружала и харчевни, погреба с фряжскими винами, продаваемыми на вынос в глиняных и медных кувшинах и кружках... Пройдет толпа скоморохов с сопелями, гудками и домбрами. Раздастся оглушительный перезвон колоколов на низкой деревянной на столбах колокольне. Разольется захватывающая разгульная песня пропившихся до последней нитки бражников... Гремят цепи выведенных сюда для сбора подаяния колодников. Крик юродивого, песня калик-перехожих».

Словом, Варварка – место знатное.

В 1933 году Варварку переименовали в улицу Степана Разина – поскольку именно по ней везли Степана на расправу. В 1990-е прежнее название вернули.

* * *

Вообще-то в городе существуют две Варварки: левая и правая. Левая – типичный Китай-город со своей мелочной, суетной жизнью. Здесь – смешение контор, магазинчиков, фирм и табличек. Это Китай-город, описанный Петром Боборыкиным: «Тяжелый, неуклюжий, покачнувшийся корпус глядит на две улицы. Посредине он сел книзу; к улицам идут подъемы. Из рядов к мостовой опускаются каменные ступени или деревянные мостки с набитыми брусьями, крутые, скользкие, в слякоть грозящие каждому – и трезвому – прохожему. Внизу, в подпольном этаже, разместились подвалы и лавки».

Лавка посовременней, помоднее, выглядела так: «На двух створах с дубовыми дверями медные доски, старательно очищенные, ярко выставляли рельефные слова: „Мирона Станицына сыновья“. Снаружи через стекла дверей просвечивали белые стены, чугунная лестница во второй этаж, широкое окно в глубине, правее – перила и конторки. Никакого товара не было видно ни на полу, ни по стенам... Амбар был из самых поместительных и шел под крышу. В верхнем этаже – также с галереей – находились склады товара, материй и сукон».

Суть, однако же, была одна – предпринимательская.

Правая сторона – разговор особый. Черета уютных церквочек и зданий, более чем старинных. А до недавних пор за ними возвышалось здание гостиницы «Россия».

Строили ее с 1963 по 1969 год по проекту Дмитрия Чечулина. До того здесь была прелестная путаница кривеньких переулков и низеньких домиков – увлекательные лабиринты Зарядья.

Особенно придиричivé современные сетовали на запущенное состояние этого района. Путеводитель «По Москве» издательства Сабашниковых (1917 год) брезгливо сообщал: «Мытным переулком, очень узким, сплошь занятым лавками, мы выходим в местность, известную под названием „Зарядье“ (переулок Зарядьевский). Это та часть Китай-города, которая находится за торговыми рядами. Теперь это одна из самых грязных и скученных местностей, и промышленных предприятий, и лавок, принадлежащих представителям всех национальностей: тут и персы, и армяне, и евреи, и русские».

Правда, впоследствии путеводитель добавляет, словно извиняясь: «Прогулка по этому совершенно своеобразному кварталу Москвы, имеющему громадное значение в торговой жизни нашей столицы, очень интересна и поучительна».

Кстати, к середине девятнадцатого века в Москве действительно образовалась по сути новая слобода – еврейская. Евреям разрешили временное жительство в Москве в том случае, если они являлись купцами. И место им определили – Зарядье.

Литератор Иван Белоусов писал в мемуарах: «Некоторые переулки представляли собой в буквальном смысле еврейские базары, ничем не отличающиеся от базаров каких-нибудь захолустных местечек на юге – в черте оседлости. Торговки-еврейки с съестными припасами и разным мелким товаром располагались не только на тротуарах, но прямо на мостовой. По переулкам были еврейские мясные, колбасные лавочки и пекарни, в которых к еврейской Пасхе выпекалось огромное количество мацы – сухих лепешек из пресного теста – опресноков. Зарядские еврейские пекарни выпекали мацу не только для местного населения, но и отправляли ее в другие города.

При мясных лавках имелись свои резники, так как по еврейскому закону птица или скот должны быть зарезаны особо посвященными для этого дела людьми – резниками... Много было в Зарядье и ремесленников-евреев, большей частью они занимались портновским, шапочным и скорняжным ремеслом».

Особенно же колоритно выглядела эта местность в дни еврейских праздников: «С молитвенниками в руках, в длиннополых, чуть ли не до самых пят, сюртуках, в бархатных картузах... из-под которых выбивались длинные закрученные пейсы, евреи толпами шли посреди мостовой – в этот день им запрещалось ходить около домов, потому что у стен копошилась

нечистая сила. Набережная Москвы-реки против Проломных ворот в этот день была сплошь унижена черными молящимися фигурами.

Перед праздником Пасхи набережная реки у спусков к воде наполнялась еврейскими женщинами, моющими посуду.

По закону, стеклянная посуда, употребляемая на Пасхе, должна была три дня пролежать в воде; но в то время, которое я помню, этого не делалось, а просто ходили на реку и там мыли посуду.

Медная и железная посуда очищалась огнем, а фарфоровая, глиняная и деревянная совсем уносилась из дома и убиралась в сарай. У более богатых людей этот сорт посуды к каждой Пасхе заменялся новой.

Женщины-еврейки в этой церемонии не принимали никакого участия, они даже и вообще не принимали участия в богослужениях в синагогах».

Словом, было на что посмотреть в этом самом Зарядье русскому пареньку.

* * *

Разнообразие форматов Зарядья поражало. Тот же мемуарист записывал: «Зарядье – местность, лежащая ниже Варварки, граничащая со стороны Москвы-реки Китайгородской стеной с Проломными воротами, состояла из сети переулков: Псковского, Знаменского, Ершовского, Мокринского, Зарядского и Кривого. Вся эта местность была заселена мастеровым людом; некоторые дома сплошь были наполнены мастеровыми: тут были портные, сапожники, картузники, токари, колодочники, шапочники, скорняки, кошелевщики, пуговичники, печатники, – печатавшие сусальным золотом на тульях шапок и картузов фирмы заведений... Несмотря на то, что владельцами домов были известные богачи, как Варгин, Берг, Василенко, Толоконников, сами они не жили в этих домах, которые были построены специально для сдачи бедному ремесленнику или служащему люду, и тип построек был самый экономный: для того, чтобы уменьшить число лестниц и входов, с надворной части были устроены длинные галереи или, как их называли, – «галдарейки». С этих «галдареек» в каждую квартиру вел только один вход.

На «галдарейках» в летнее время располагались мастеровые со своими работами: сапожники сидели на «липках» и стучали молотками, еврей-скорняки делали из польских – камчатских бобров или сшивали лоскутья меха, хозяйки выходили со своим домашним шитьем, около них вертелась детвора. А по праздникам на «галдарейках» собирались хоры и пелись песни... В темных, грязных подвалах Зарядских домов ютилось много гадалок; некоторые из них славились на всю Москву и к ним приезжали погадать богатые замоскворецкие купчихи. Такие «известные» гадалки занимали прилично обставленные квартиры и занимались своим ремеслом открыто, благодаря взяткам полиции, которая по закону должна бы преследовать их.

Мелкие гадалки имели своих зазывальщиц, они стояли у ворот и предлагали прохожим погадать у их хозяек».

Гадалки и впрямь были знатные. Одна из современниц, Вера Харузина даже рассказала про типичный визит к одной из таких деятельниц: «Один раз, разыскивая новую гадалку, мы попали в трущобы тогдашнего Зарядья. Узкие грязные улицы, кишачие еврейской беднотой. Улитая помоями лестница, на нижней ступеньке ее играющие всклокоченные, исхудалые, черноглазые дети чужого типа. Характерный запах чеснока. В грязной комнате на просиженном дырявом диване, в запачканном ситцевом капоте грузная немолодая еврейка с мясистым лицом и круглыми глазами, перебирающая заплывшими пальцами засаленные карты... Это была профессиональная гадалка; кругом сидело несколько женщин, ожидающих очереди, а гадалка изрекала предсказания, поводя своими круглыми глазами. И она сама, и вся обстановка производили отвратительное впечатление».

Но гадалками Зарядье не исчерпывалось. Иван Алексеевич Белоусов описал так называемые головные лавки – в них вываривали легкие, сердце, печенку, горло, рубец и целые головы крупного рогатого скота, из которых получали щековину. Эту снедь раскупали лотошники и бойко торговали ей на московских улицах. А чтобы голье не остывало, его покрывали на лотках тряпками. «Можно было купить на копейку, на две печенки и легкого с горлом, но были и более дорогие продукты, так, например, состоятельные мастера иногда посылали учеников прямо покупать в головные лавки обрезки кожи и жира с окороков ветчины: таких обрезков менее как на пятак не отпускали. Там же можно было купить кость от окорока, которая, судя по остаткам содержимого на ней, стоила от 10 до 15 копеек. С этой кости нарезалось довольно порядочно ветчины, конечно, жилистой и заветренной. Такие закуски на языке мастеровых назывались „собачьей радостью“».

Кроме этих «радостей» продавали рубцы, завернутые в трубки и обвязанные мочалой, горячие кишки, фаршированные гречневой кашей, пирожки, по пять копеек за пару. Последние – самые разнообразные: в мясные дни – с мясом, с ливером, с капустой и яйцом, с молочной кашей, с творогом, а в постные – с рисом-рыбой, с капустой-луком, с грибами, с вареньем. Были и подовые пирожки с мясом, с рисом, изюмом, с творогом и «небольшие пирожки, в виде ушков, начиненные мясом с луком; эти пирожки разносились в особых ящичках, внутри которых находились металлические бачки, – в них-то в растопленном горячем масле и плавали эти пирожки». Ну и конечно, весьма были распространены пирожки-расстегайчики – начинка в них не закрыта тестом, отчего пирожок словно расстегнут (отсюда и название). Расстегайчик клался на блюдечко, посыпался солью, перцем, смазывался маслом и заливался подливкой из рыбного или мясного бульона, который держали в металлических узкогорлых кувшинах.

Нравы царили соответствующие. Газета «Московский листок» сообщала в конце позапрошлого века: «Проживающий в доме Трусевича, в Мокринском переулке, крестьянин Покровского уезда Иван Ефимов Куликов затеял ссору со своим жильцом, Александром Борисоглебским, который, придя в азарт, кинулся на Куликова и откусил ему правую ноздрю, прокусил правую щеку и искусал все пальцы. Искусанный отправлен в больницу. По заключению врача, означенные повреждения требуют тщательного лечения».

А что вы хотели, тут, чай, не Версаль!

* * *

При советской власти Зарядье стало живым памятником ушедшей эпохи. А. Февральский вспоминал: «Однажды, уже в тридцатых годах, подходя к Проломным воротам, на примыкавшем к ним старом доме Псковского переулка я к своему удивлению разглядел полустершуюся немецкую надпись рукописными буквами: „Zum brauen Hund“ („У коричневой собаки“), видимо, там когда-то был трактир или постоялый двор для немецких купцов. А поблизости, в одном из дворов того же переулка, находился доходный дом, где обитала беднота, с арками-переходами между корпусами (в три этажа). Это здание С. М. Эйзенштейн снимал в фильме „Стачка“».

Так Зарядье и сделалось наглядным материалом.

* * *

В конце концов, всю эту красоту снесли – здесь планировалось возвести восьмую по счету «высотку». Но строительство затягивалось, а со смертью Сталина и последовавшей вслед за этим борьбой с «архитектурными излишествами» проект и вовсе стал неактуальным.

В результате возникла «Россия».

Путеводители описывали ее исключительно в восторженных тонах: «Светлые, устремленные ввысь 12-этажные корпуса гостиницы покоятся на мощном стилобате из красного гра-

нита». «Кресла зрительного зала снабжены наушниками». «Пассажирских и грузовых лифтов почти сто». «Более 5300 гостей столицы». И так далее.

Разумеется, нашлись литераторы и стихотворцы, посчитавшие своим долгом поприветствовать московскую новинку. Стихи, как и путеводители, не отличались вдумчивостью, зато были несоразмерно бравурны – будто бы речь шла не о гостинице, а, например, о новом городе или же государстве, пусть и небольшом. Вот, например, произведение Никанора Батурлина под названием «Зарядье»:

Зарядье! Под стрелою крана
Твое начало и конец.
Зарядье – щебень в котлованах,
Зарядье – мраморный дворец!
Где был когда-то бой кулачный
Под небом горестных тревог,
Теперь в ряду с кремлевской башней
Дворец – как встреча двух эпох.

На последнюю фразу и возразить нечего, вот только в гостиницу «Россия» запросто было не войти – бдительный швейцар всегда на страже. Да и с мрамором в «России» имелись, мягко говоря, проблемы.

А народ, разумеется, сразу же отреагировал байками и слухами. Говорили, что в сравнении с новой «Россией» собор Василия Блаженного, да и сам Кремль вдруг сразу начали смотреться позавчерашними несвежими тортами. Ерничали по поводу того, что раньше Василий Блаженный смотрелся на фоне чистейшего неба, а сейчас – на фоне гостиницы. Поговаривали, что и сами архитекторы, увидев этот ракурс с Красной площади, принялись посыпать головы пеплом – ведь они при проектировании пользовались общедоступными картами Москвы, а карты тогда, как известно, все сплошь были с искажениями – для того, чтобы шпионы заблудились.

Те же, кто пообразованнее, называли гостиницу «чечулинским сундуком». Они знали фамилию автора и этим гордились. А сундук – поскольку посреди этого комплекса торчала ручка-башенка. Опять же, поговаривали, что первоначально собирались всю гостиницу сделать такой высокой, как и ручка в центре, именно с нее и начали строительство. Но кто-то из кремлевских высокопоставленных товарищей вовремя возмутился – как же так, ну ничего святого нету у людей. Ручку решили все-таки не разбирать, но высоту прочих корпусов отеля быстренько откорректировали.

Так или иначе, новая огромная гостиница для города, пусть и столичного, однако же не приспособленного для приема должного числа приезжих, оказалась очень даже кстати.

* * *

Сейчас здания, долгое время служившего привычной декорацией к варварским храмам, не существует. Декорация – пустырь, Москва-река и здание МОГЭСа на противоположном берегу.

Разве что сохранилось несколько рецептов – фирменных, «Российских», по которым здесь готовили деликатесы для командировочных из регионов. Впрочем, особенно деликатесными сегодня их не назовешь.

Салат «Российский» – филе рыбное (любое), средняя картофелина, корень петрушки, небольшой соленый огурец, четверть яблока, каперсы, ложка майонеза, соль.

«Российская» похлебка – четверть курицы, картофелина, четверть луковицы, половинка корня петрушки, столовая ложка сметаны, ползубчика чеснока, половина моркови, две

горошины перца, 15 граммов сливочного масла, лавровый лист, укроп, петрушка, сельдерей и соль.

«Российские тефтели» – 75 граммов мясного филе, 25 граммов сала, 15 граммов сухих грибов, 50 граммов сметаны, 25 граммов томатной пасты, столовая ложка муки, столовая ложка подсолнечного масла, 15 граммов сливочного масла, восьмушка лимона, половиночка луковицы, петрушка, соль, петрушка, сельдерей, воды 15 граммов.

А на десерт кисель овсяный – 250 граммов овсяных хлопьев, 750 граммов воды, долька лимона, сахарный песок и соль по вкусу.

«Замочите в теплой воде овсяные хлопья и поставьте на сутки в теплое место. Набухшую массу процедите через марлю и отожмите в кастрюлю. В белый сироп добавьте лимонный сок, сахарный песок и соль, прокипятите, остудите, разлейте в стаканы или чашки, сверху положите варенье или налейте немного кипяченого молока».

Кто сейчас станет стараться ради этого копеечного варева – замачивать, выстаивать, цедить и хлопотать? Гораздо проще и возвышеннее африканский ройбуш или сенча из Японии. Правда, для нас подобная экзотика – уже обыденность, а по-настоящему экзотичным, пожалуй, оказался бы как раз кисель из овса.

* * *

Рядом с гостиницей стояла (а теперь торчит на фоне пустыря) малюсенькая церковь Зачатия Анны, что в Углу (пока было живо Зарядье, говорили «в Кривом переулке»). Древняя (но неоднократно перестраиваемая, последняя «версия» относилась к 1802 году, однако во время реставрации в 1950-х годах совсем уж поздние пристройки убрали) и удивительно компактная, она считается одним из самых ценных памятников зодчества. Хотя существовал вполне реальный шанс ее утратить. И разрушители эпохи СССР здесь не при чем – беда над ней нависла много раньше, в 1889 году. Газеты сообщали: «Вчера, 14 января, в 6 часу вечера, дано было знать пожарной команде городской части о начавшемся пожаре в Зарядье, в церкви Зачатия св. Анны. По прибытии пожарных оказалось, что под церковью, в подвале со сводами, где находился склад грецких орехов крестьянина С. Ф. Карева, горели мешки. Сильный дым, пробивавшийся в щели пола, наполнял внутренность храма. Пожарные, сломав двери подвала, вскоре потушили огонь без вреда зданию. Сгорело несколько мешков с орехами. Причину пожара относят к неосторожному обращению с огнем какого-либо из рабочих Карева, ходивших во втором часу ночи в подвал за товаром. Убыток не приведен в известность. По случаю пожара в храме всенощной не было. Отводить подвалы церквей под склады товаров – едва ли уместно».

Эх, наивная душа – автор заметки. В те времена складировать товары именно в подвалах и подклетах храмов было делом самым верным и обычным. Там реже воровали, там ниже арендная плата. Опять же, доступ круглосуточный – хоть ночью, в два часа. И виноват был не Карев со своими грецкими орехами, а общемосковская, да что там – общероссийская, практика.

(Впрочем, этой церкви было не привыкать гореть. Еще в 1493 году один из документов сообщал: «Из города торг загорелся и оттоле посад выгорел возле Москву-реку до Зачатия на Востром конце и по Васильевский луг, и по все Святые на Кулишки и Стретенска улица вся выгоре до Всполя и церковь камена Оусретение горе. И много бо тогда людем скорбости бысть: больший двоя соть человекъ згоре людей, а животов бесчислено выгоре. А все то погоре единого полудни, а летописец и старые людие сказывают: как Москва стала, таковъ пожаръ не бывал».)

Спустя всего пять лет церковь опять попала на страницы газет. В «Московском листке» вышла статья «Святотатство»: «5 января, в 11 часов утра, в церкви Зачатия Анны, что в Кривом переулке, мещанка Степанида Бордукова, 34 лет, прикладываясь к иконе Успения Пре-

святой Богородицы, бывшими при ней ножницами отрезала золотой крестик и хотела скрыться с ним, но была замечена, и брошенный ею крестик найден за бочкою во дворе. Преступница в святотатстве созналась».

Так и представляется эта история (произошедшая, опять же, вскоре после празднования Нового года, что-то в этом, вероятно, есть). Тридцатичетырехлетняя баба (по нынешним временам – девушка) приходит в храм якобы молиться, но на самом деле на уме у нее другое. Вооружившись ножницами, девушка Степанида – цап! – и перекусывает ими хиленькую цепочку золотого крестика. А после понимает, что ее заметили. И выбегает во двор, и несется к спасительной бочке (вероятно, с краской или же с капустой квашеной), и успевает-таки сбросить крестик! Да не тут-то было! Бдительных московских богомольцев на мякине не проведешь!

Вина доказана, преступница созналась. И не в воровстве, а в святотатстве – потому что в этом случае важнее был не сам факт кражи, а то, где и у кого крадут.

* * *

Впрочем, для многих этот храм был олицетворенным воплощением христианства – с его таинствами, сказкой, свечным духом. Уже упомянутый житель Зарядья И. А. Белоусов даже посвятил ему трогательное стихотворение:

Помню – в детстве мы ходили
В церковь с нянею «к страстям»,
И с зажженными свечами
Мы стояли долго там.
Поздним вечером из церкви
Возвращались мы домой,
Пламя свечи я от ветра
Загораживал рукой.

Это, конечно, не воспоминания Шмелева, но тоже достаточно трепетно. А при желании этот стишок можно и петь во время мирного застолья – на мотив «спой мне песню, как синица тихо за морем жила». Светлого умиротворения в компании значительно прибавится.

* * *

Кстати, тот же Белоусов обучался здесь, при церкви читать-писать-считать. Он вспоминал о своих «университетах»: «Когда мне исполнилось восемь лет, отец вздумал обучать меня грамоте. Дома до восьми лет меня никто не обучал, и я не знал ни одной буквы. Да и обучать было некому, – отец был полуграмотный, а мачеха совершенно неграмотная.

Отец отвел меня к дьячку своего прихода – «Зачатие праведной Анны». Дьячок не сам обучал грамоте, – этим делом занималась его жена. Обучение шло сначала по церковно-славянски, а потом уже учили гражданскую грамоту. Азбуку мы учили с указками, эти указки так были распространены, что продавались не только в писчебумажных магазинах, но имелись и в овощных лавках.

Буквы и склады – двойные и тройные – мы повторяли за своей учительницей хором, водя по азбуке указкой. Как трудно давалась эта наука, можно было судить по тому, что листы азбуки после изучения ее оказывались насквозь продырявленными.

Я вспоминаю одного ученика – сына булочника из Замоскворечья, – ему так трудно давалась азбука, и так он ее возненавидел, что, проходя по Москворецкому мосту, утопил книжку в Москве-реке».

Сам же Иван Алексеевич в обучении преуспел, и даже сделался поэтом, отдавая процитированными чуть выше строками своего рода долг и перед церковью Зачатия Анны, и перед дьячком, и, разумеется, перед его женой.

Среднерядье

Здание Средних торговых рядов (Варварка, 1) построено в 1894 году по проекту архитектора Р. Клейна.

Собственно говоря, ряды здесь находились задолго до того, как мастера-строители по чертежам зодчего Клейна – между прочим, автора универмага «Мюр и Мерилиз» (нынешний ЦУМ), а также музея изящных искусств на Волхонке – возвели нынешнее здание. Старые торговые ряды (их тоже называли Средними) тут были еще в восемнадцатом веке. Да и раньше эта территория использовалась, в основном, под нужды именно торговые.

Так уж получилось.

Надо заметить, до строительства цивилизованных рядов (как Верхних, так и Средних) все подкремлевское торжище представляло собой зрелище диковатое. Н. Скавронский так описывал московские торговые ряды в 1862 году: «Ряды составляют свой особый мир, с своим уставом, своим взглядом на вещи, со своими понятиями о деле и чести, с своим языком, с своим обращением, которое даже известно и большинству под названием рядского... Рядов несколько, и каждый из них имеет свое особенное название по предметам обращающейся в нем торговли: Суровской, Панской, Юхотной, Москательная линия, Серебряная линия и т. п. Названий очень много; немало из них уже потеряли свое значение. Что, например, за Ножевая линия, в которой преимущественно торгуют модными товарами? Не обидно ли для русских фабрикантов название Ветошного ряда, где они более всего помещаются? Неужели весь их товар не более как ветошь? Это названия старые, не имеющие уже ничего общего с настоящим.

Есть даже особый Квасной ряд, который легко и удобно может заменить старинный Обжорный... Ряды занимают два огромных сарая, нисколько не приноровленных к делу зданий. Это громадные погреба, или пещеры, на открытом воздухе: сырость в них, особенно зимою и осенью, по словам даже невзыскательных торговцев наших, убийственная; человек, не привыкший к их атмосфере, которая в большую часть года может сравниться с копиями сибирских россыпей, может в непродолжительном времени нажать ревматизм или простудиться в них навсегда... Привычка заставляет выносить все дурное влияние этих помещений. Купцу, залитому жиром, тепло одетому, да еще по большей части выпившему, разумеется, тепло; многие же из числа торгующих, люди не так огражденные своим сложением и желающие делать дело со свежей головой, давно и крепко жалуются на наши ряды, и мы служим только отголоском общего о них мнения, нисколько не желая быть выскочкой... Представьте себе только сырую, мокрую погоду или снег: везде течет, метет, завевает, везде сырость, лужи или сугробы снега, которые кучами располагаются в рядах, за исключением тех, которые несколько скрыты, – там вместо этого вода, спускаясь по трубам, пробивает в худые рамы – отовсюду сырость, из воздуха, из стен, сверху, снизу... Безалаберщина в рядах страшная, временем пройти в них трудно. В москательных наставлены бочки, бочонки, плиты олова, бутылки с разными кислотами; в красных – кипы товару, коробки, скамейки, все это почти на самой дороге, без порядку, без всякой идеи удобства; Меховой ряд заколочен и завешен изнутри лавок синим коленкором, чтобы свет как можно слабее проходил и таким образом меха казались бы темнее. Есть, разумеется, немного исключений из торговцев мехами, которые не прибегают к этому способу. Юхотный, Хрустальный, Ветошный представляют те же неудобства... Юхотный из всех особенно грязен и сыр, как глубокий погреб, Хрустальный завален более других тесно, несмотря на то, что открыт; Ветошный узок, тесен и часто в буквальном смысле непроходим, особенно при входе... Нельзя, разумеется, требовать безусловной чистоты от места, в котором с утра до ночи кипит работа, но нельзя допускать совершенно открытый произвол

в загромождении прохода и часто загораживании соседней лавки, что ведет к нередким крупным перебранкам и неудовольствиям между даже крайне неприхотливым купечеством нашим. Артель – замечательная общественная форма производства работ – несмотря на всю ловкость и привычку к делу, решительно выбивается из сил от неудобства положения и неимения никаких вспомогательных средств своим сильным рукам, ни блоков, ни носилок, даже лишенная иногда возможности продвинуть и тележки между узкими проходами».

Тем не менее, именно эта структура поганых, нелепых, порочных и тесных рядов сформировала структуру российской торговли. Сам же Скавронский признавал: «В рядах вырастает и образуется большинство московского купечества; здесь же вырабатывается и приказчик – самый близкий и деятельный слуга русской торговли; в них со всех концов России свозятся дети бедных мещанских и упавших купеческих фамилий учиться торговому делу и иметь возможность жить впоследствии трудом».

Но и здесь все не просто: «Вот мы и наталкиваемся на образ вырастания, на образ воспитания купца, на метод учения купеческого мальчика. Ставим им в параллель толпы нищих, ежедневно осаждающих амбары и лавки, лиц, большею частью не возбуждающих сострадания, а скорее противное – отвращение и за малым исключением играющих роль потехи для сытого купца в свободное время, – есть где поучиться делать доброе дело. Несколько экземпляров отъявленных мерзавцев – выгнанных из службы чиновников, военных служак – часто удивляют своим нахальством и грубейшими выходками, часто против общественно-уважаемых людей, нередко их затрагивающих, немалое число пропившихся, возбуждающих искреннее сожаление, пропавших от сумасбродной благотворительности и доводимых дразнением целой толпы едва ли не до припадков сумасшествия – невольно загрубляют деликатность молодого чувства, идя каждое утро к своим мучителям за куском хлеба, который покупают крайней степенью унижения. Разврат, скрытый, спрятанный, но, кажется, еще более яркий от этого, имеет также в рядах свое место: от лавки к лавке шляются разные богомолки, святоши, иногда монахини, которые нередко бывают предметом самых грязных шуток, молодые дети, часто почти дети четырнадцати лет, нередко прикрывают продажей пряников, конфет другое, более прибыльное ремесло, большею частью они и падают в соприкосновении с этим миром, многие выходят в люди, многие погибают в этой жизни. Пирожники, ветчинники, рыбники, разносчики всякой всячины, рабочие – надо отдать им справедливость – ведут себя много приличнее, в них живое чувство своего достоинства: нередко приходится слышать такие резкие ответы на обращаемые к ним торгующими шуточки, что невольно покраснееешь от того, что они обращены к русскому купцу. Бабы-солдатки, ходящие большею частью с разными плодами, также замечательно огрызаются иногда нередко от целого ряда, над которым шум и гам, как говорится, стоном стоят.

Несчастливая страсть подтрунивать, принимающая на свободе громадные размеры, переносится из рядов и в погреб, и в трактиры, и там вооружает против купечества половых, нередко даже и приказчиков, не говоря уже о мальчиках, на долю которых, на каждого и каждый день, придется пинков и щипков по десятку... Странно видеть все это в наше время, и особенно там, где, по-видимому, царит благочестие, где огромные образа в дорогих окладах, с теплящимися перед ними день и ночь лампадах и несколько раз в год повторяющимися молебнами, кажется, должны быть свидетельством о христианском направлении нравственности».

Вот оно как! А начиналось все лишь с тесноты и неустройства лавок.

* * *

Однако же после постройки современных торговых рядов их жизнь изменилась до неузнаваемости. Еще бы – воплощение проекта обошлось казне без малого в три миллиона. Соответственно, выросла плата за аренду помещений. Да и культура торговли менялась. Да и ассортимент.

Новые Средние ряды сделались, можно так сказать, интеллигентскими. На первом этаже – чай, кофе, всевозможные портфели и несессеры, парча, хрусталь, севрский фарфор и прочая. На втором – банковские, нотариальные и иные доходные конторы. В специальных помещениях во дворе – лекарства, всяческая бытовая химия. И никаких проблем с тележками, никаких пьяных и толстых купцов.

А после революции купля-продажа вообще утратила свою былую актуальность. Больше стали не покупать-продавать, а распределять-получать. Соответственно, ряды в таком количестве, как раньше, оказались ни к чему. И в здании Средних рядов разместилась серьезная организация – Реввоенсовет под председательством Льва Троцкого.

С одной стороны, вроде, правильно – близость к правительству, близость к Кремлю, до безделушек ли тут, до фарфоровых ли статуэток? С другой, москвичи, по большей части, не обрадовались этому нововведению. А это все-таки их город.

В смысле, наш.

Трактир Лопашова и другой общепит

Церковь Варвары Великомученицы (Варварка, 2) построена в 1514 году по проекту архитектора Алевиза Фрязина.

Первое здание по правой стороне Варварки – церковь Варвары Великомученицы, основанная в 1514 году пресловутым Юшкой по кличке Урви Хвост (как полагают исследователи, дальним предком масона Юшкова) и его братьями – Василием и Вепрем. Строил ее итальянский архитектор Алевиз Новый, прославивший себя Архангельским собором в Кремле. С тех времен сохранился подклет, остальное – переделано в 1796—1804 годах Родионом Казаковым, однофамильцем маститого Матвея Казакова. Ныне бледно-розовая, а в начале прошлого столетия с «окраской свежего зеленого сыра», она – предмет споров маститых историков и топонимистов. Иные утверждают, что улица Варварка названа так в честь церкви, а другие возражают – дескать, еще раньше звали ее Варькой, от слова «варя», то есть места, где что-то варят. Словом, страсти вокруг этой церковки разыгрываются нешуточные.

* * *

Рядом со святой Варварой стоял один из колоритнейших трактиров Москвы – Лопашовский. В. А. Гиляровский о нем вспоминал: «Трактир Лопашова, на Варварке, был из древнейших. Сначала он принадлежал Мартьянову, но после смерти его перешел к Лопашову.

Лысый, с подстриженными усами, начисто выбритый, всегда в черном дорогом сюртуке, Алексей Дмитриевич Лопашов пользовался уважением и одинаково любезно относился к гостям, кто бы они ни были. В верхнем этаже трактира был большой кабинет, называемый «русская изба», убранный расшитыми полотенцами и деревянной резьбой. Посредине стол на двенадцать приборов, с шитой русской скатертью и вышитыми полотенцами вместо салфеток. Сервировался он старинной посудой и серебром: чашки, кубки, стопы, стопочки петровских и ранее времен. Меню – тоже допетровских времен.

Здесь давались небольшие обеды особенно знатым иностранцам; кушанья французской кухни здесь не подавались, хотя вина шли и французские, но перелитые в старинную посуду с надписью – фряжское, фалернское, мальвазия, греческое и т.п., а для шампанского подавался огромный серебряный жбан, в ведро величиной, и черпали вино серебряным ковшом, а пили кубками.

Раз только Алексей Дмитриевич изменил меню в «русской избе», сохранив всю обстановку.

Неизменными посетителями этого трактира были все московские сибиряки. Повар, специально выписанный Лопашовым из Сибири, делал пельмени и строганину. И вот как – то в восьмидесятых годах съехались из Сибири золотопромышленники самые крупные и обедали по-сибирски у Лопашова в этой самой «избе», а на меню стояло: «Обед в стане Ермака Тимофеевича», и в нем значилось только две перемены: первое – закуска и второе – «сибирские пельмени».

Никаких больше блюд не было, а пельменей на двенадцать обедавших было приготовлено 2500 штук: и мясные, и рыбные, и фруктовые в розовом шампанском... И хлебали их сибиряки деревянными ложками...

У Лопашова, как и в других городских богатых трактирах, у крупнейших коммерсантов были свои излюбленные столики. Приходили с покупателями, главным образом крупными провинциальными оптовиками, и первым делом заказывали чаю.

Постом сахару не подавалось, а приносили липовый мед. Сахар считался тогда скромным: через говяжью кость перегоняют!

И вот за этим чаем, в пятиалтынный, вершились дела на десятки и сотни тысяч. И только тогда, когда кончали дело, начинали завтрак или обед, продолжать который переходили в кабинеты».

Самым же известным из сотрудников трактира был, в действительности, не хозяин, а половой, трагикомичная фигура: «Половой в трактире Лопашова, уже старик, действительно не любил, когда ему с усмешкой заказывали поросенка. Это напоминало ему горький случай из его жизни.

Приехал он еще в молодости в деревню на побывку к жене, привез гостинцев. Жена жила в хате одна и кормила небольшого поросенка. На несчастье, когда муж постучался, у жены в гостях был любовник. Испугалась, спрятала она под печку любовника,пустила мужа и не знает, как быть. Тогда она отворила дверь, выгнала поросенка в сени, из сеней на улицу да и закричала мужу:

– Поросенок убежал, лови его!

И сама побежала с ним. Любовник в это время ушел, а сосед всю эту историю видел и рассказал ее в селе, а там односельчане привезли в Москву и дразнили несчастного до старости... Иногда даже плакал старик».

А на масленицу постоянным посетителям трактира Лопашова подносили симпатичные открытки с незатейливыми строчками:

Снова праздник, – прочь печали, —
Будь веселье в добрый час.
Мы давно дней этих ждали,
Чтоб поздравить с ними Вас
И желать благополучий, —
Время шумное провести,
А у нас на всякий случай
Уж решительно все есть:
Наши вина и обеды
Знает весь столичный мир,
И недаром чтили деда
Лопашовский сей трактир.

Растроганный клиент, конечно, оставлял щедрые чаевые.

* * *

Во времена нэпа общепитовская слава этой церкви только выросла. Более того, переползла внутрь церковных стен – в храме открыли одну из многочисленных частных закусочных. Ее превосходнейшее описание оставил Виктор Ардов: «Я с удивлением рассматривал, так сказать, конфигурацию этого зала: входная дверь вела к квадратной площадке (два метра на два). Тут расположена была, с позволения сказать, кухня: на грубом столе стояла керосинка, а на ней подогревались поочередно две кастрюли. В одной кипятилась нарезанная толстыми ломтями вареная колбаса, во второй же кастрюле плавали – опять-таки в кипятке – свиные уши... Хозяин заведения сам присматривал за варевом, сам отвешивал на всех порции колбасы и ушей, сам выдавал посетителям круглые булочки, и по сей день именуемые ситничками (разумеется, сейчас уже не именуемые. – АМ). А более никаких яств и напитков не было. Спиртным владелец заведения торговать не имел права (патент у него был ограниченного действия), но если кто из гостей приносил с собою нечто горячительное в бутылке, непременно находился толстый стеклянный стаканчик...

От входной площадки (она же кухня) ответвлялся некий аппендикс: два метра в длину и метр в ширину. К стенке аппендикса прилажен был стол шириною полметра, а параллельно столу – скамья и вовсе узкая. Вот на этой скамье и сидели, тесно прижавшись друг к другу, едоки горячей колбасы (до революции такое варево называлось «колбасою по-извозчичьи») и таковых же свиных ушей. А если кто намеревался уйти, должны были встать все посетители. За такое построение стола закусочная именовалась «автобус». Люди так и говорили: «Пойдем в автобус к дяде Васе». Надеюсь, вы догадались, что дядя Вася был владелец этого мощного пищеблока на пять посадочных мест.

Беседа велась общая. И дядя Вася в ней принимал деятельное участие, не забывая при этом подогреть остывшие кастрюли и подрезать новые порции еды».

Там же, в «автобусе» случилась встреча, поразившая Ардова до мыслимых и немыслимых глубин. С ним за одним столом вдруг оказался Михаил Климов, популярный в то время театральный актер. Мемуарист пояснял: «Удивление мое было велико еще и потому, что о Климове нам давно стало известно: оба его родителя работали всю жизнь как повара первой руки в ресторанах Петербурга. Да и сам Михаил Михайлович славился как гурман. Он изобрел несколько пикантных блюд; в ресторане при Центральном Доме актера и по сей день подают котлеты по-климовски (сейчас уже не подают. – АМ). А тут в «автобусе» он с аппетитом упивал уши и назидательно пояснял сотрапезникам, как готовится такое лакомство. Оказывается, варить эти уши следует не менее двух суток, иначе не смягчатся хрящи, составляющие самый смак.

– Михаил Михайлович, – спросил я, – вам, известному знатоку всяческих деликатесов, разве могут нравиться эти хрящи?

– Именно потому, что я – знаток, я и люблю изредка отведать народного угощения! – ответил артист. – Все эти «деволяи», «бризоли», «соусы тартар» и «бешамели» мне просто приелись. А ты найди сейчас в Москве ту же «колбасу по-извозчичьи»!.. Прежде я, бывало, от «Яра» или из «Стрельны» ехал в ночную чайную к настоящим извозчикам горячей колбаски попробовать. А сейчас... спасибо, вот дядя Вася нас балует!

...Вся скамья «автобуса» одобрительно зашумела, подтверждая правоту артиста. Климов встал. Тотчас поднялись прочие едоки и выпустили его из теснины.

Артист приветливо помахал рукою сразу нам всем и покинул «заведение»».

И все же, не совсем понятно, что поразило нашего мемуариста больше – демократичные пристрастия актера Климова или сами уши. Вероятно, уши.

А тот факт, что все это происходило в церкви, воспринимался им как нечто само собою разумеющееся.

* * *

Рядом (дом №4) – церковь Максима Блаженного, построенная в 1698 году на средства Натальи Кирилловны, матери Петра Первого. В ней погребен знаменитый Максим, Христа ради юродивый, который бродил по Москве нарочито безобразен и наг.

Дипломатическое представительство эпохи Юшки Урви Хвост

Здание Английского подворья (Варварка, 4а) построено во времена царя Ивана Грозного.

На Варварке, на ее правой, полулубочной стороне, среди храмов и храмиков торчит белым пеньком невысокое здание. В наши дни здесь одна из экспозиций музея истории города Москвы. А в средние века – это убежище английских, да и прочих иностранных дипломатов и купцов (иной раз они спасались тут во время беспорядков).

Эти белые палаты появились здесь в пятнадцатом столетии. Поначалу ими владел Иван Бобрищев по прозвищу Юшка (опять Юшка!) – то ли «постельничий», то ли «печатник». Наследника он, видимо, не имел, и в следующем веке здание каким-то образом стало казенным, а тут еще известный мореплаватель сэр Ричард Ченслер открыл удобный водный путь, соединяющий Россию с Англией.

Наш город Ченслеру понравился. Он сообщал: «Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с предместьями».

Отношения между двумя государствами стали налаживаться, и в 1556 году царь Иван Грозный «англичан на Москве двором пожаловал», а также предоставил им серьезные таможенные льготы. Этим двором и стала бывшая недвижимость Юшки.

Здание служило одновременно и амбаром-складом (товары с помощью простого блока поднимались вдоль стены и попадали прямо в окно), и резиденцией английского посла. Обычные работники, обслуживающие как посольство, так и важный торговый процесс, селились в простых деревянных избах, выстроенных рядом, – так было дешевле и считалось более полезным для здоровья.

На свое содержание английское посольство ежедневно получало неплохой паек: четверть быка, четыре барана, 12 кур, два гуся, одного зайца (его иной раз заменяли тетеревом), 62 хлебных каравай, 50 яиц, четверть ведра средиземноморского вина, три четверти ведра пива, полведра водки и два ведра меда. Кроме того, еженедельно отпускались пуд масла, пуд соли и три ведра уксусу, а по воскресеньям – два барана и один гусь.

Слугам алкогольные напитки (разумеется, за исключением дорогих вин) предоставлялись дополнительно.

Торговля проходила более-менее стабильно, чего не скажешь о дипломатических делах. Иван Грозный был царем со странностями – и то вдруг всерьез решал жениться на английской королеве, а то, наоборот, ругался на нее последними словами. Наш государь, к примеру, как-то написал британской самодержице: «А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица».

В другой раз вдруг попросил у той «девицы» политического убежища, пообещав при случае оказать ту же самую услугу. Та ответила, что, дескать, если нужно – приезжайте, а уж я как-нибудь дома посижу.

Счастливая торговля с Англией закончилась в 1649 году, когда британские повстанцы казнили Карла I, своего короля. Царь Алексей Михайлович Тишайший в знак протеста против этих беспорядков подписал указ о выдворении британского купечества из послушной и добропорядочной России, а так называемый Английский двор, естественно, конфисковал. В разное время здесь располагались Нижегородское подворье, Арифметическая школа, а также проживали разные купцы (уже, естественно, российские).

Город, между тем, все ширился. Старое каменное здание начало обрастать новыми помещениями и в конце концов вообще скрылось от глаз прохожих. Лишь в середине прошлого сто-

летия, когда расчищалась территория под восьмую (так, впрочем, и не возведенную) высотку, реставратор и историк Барановский обнаружил за поздними наслоениями этот памятник архитектуры и истории.

В 1968-м принялись за реставрацию на первый взгляд совершенно неприметного четырехэтажного дома. И уже в 1972 году вновь обретенное строение украсило пейзаж улицы Разина («советское» название Варварки). Кстати, по проекту, там, где высился Английский двор, следовало соорудить автомобильный пандус гостиницы «Россия». Но Барановский настоял на сохранении памятника, и в результате пандус несколько сместили.

Здание было спасено.

Вот такой хэппи-энд.

Древнерусская готика

Мемориальное здание «Палаты в Зарядье» (Варварка, 10) построено в 1859 году по проекту архитектора Ф. Рихтера.

Очередная церковь на Варварке – собор Знаменского монастыря. Он был основан в 1629 году царем Михаилом Федоровичем, первым Романовым, в честь рождения сына Алексея. Основой его стала домовая церковь бояр Романовых – до избрания молодого Михаила на царство здесь размещались их палаты.

Можно сказать, что они расположены рядышком. Это музей под названием «Палаты в Зарядье», или Дом бояр Романовых. В шестнадцатом столетии им владел Никита Захарьин Романов-Юрьев, дед Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых. По преданию, он родился именно в этих палатах.

Этот музей – один из самых первых в Москве. Он был основан (и, по сути, заново отстроен, ведь от подлинных стен мало что в то время оставалось) в 1859 году и поначалу назывался Домом бояр Романовых. После революции его переименовали в Дом боярина, с 1975 года это – Музей боярского быта, а уже после окончания советского периода истории России он получил современное название.

Москвовед Никольский сообщал в начале прошлого столетия: «Было воздвигнуто... фантастическое снаружи и внутри здание так называемого „дома бояр Романовых“, стоившее казне до 300 000 рублей».

На идеологию в то время денег не жалели.

Событие было значительным. Современник Михаил Пыляев так описывал процесс: «В 1858 году по повелению императора Александра Николаевича августа 31-го начали возобновлять прародительскую палату бояр Романовых, находящуюся на углу монастыря по Варваринской улице и Псковской горе. На закладке при входе на паперть государя встретил митрополит Филарет с напрестольным крестом в руке – вкладом матери царя Михаила великой инокини Марфы. При митрополите стоял придворный протодиакон с кадилом патриарха Филарета Никитича. Под сению хоругвей оба иеромонаха держали в руках храмовой образ Знамения Богородицы, родовой бояр Романовых, царское моленье Михаила Федоровича.

В приготовленное место для закладки государем и августейшей фамилией были положены новые и древние монеты, поднесенные членами комиссии по постройке. Так, И. Снегиревым были поданы на блюде серебряные и золотые монеты чекана 1856 года, в память коронавания государя, – год, в который повелено возобновить романовскую палату; А. Вельтманом – золотые и серебряные монеты 1858 года, в свидетельство действительного начала работ для обновления этого древнего памятника; Г. Кене – золотые и серебряные монеты времен царя Михаила Федоровича в память того, что в означенном доме родился и возрос этот государь, первый из поколения Романовых; известным нашим археологом архитектором А. А. Мартыновым – серебряные монеты царствования Иоанна Грозного как свидетельство, что здание было построено при этом государе.

Возобновление палаты было окончено 22-го августа 1859 года, и она освящена в этот же день в присутствии государя императора. Древняя боярская палата была построена в четыре этажа: первый, подвальный этаж, или так называемое в древности погребье с ледником и медушею; второй, нижний этаж, или подклетье с людскою, кладовою, приспешнею, или поварнею; третий, средний этаж, или житье с сенями, девичьею, детскою, крестовою, молельною и боярскою комнатою; четвертый, где находятся вышка, опочивальня и светлица.

Все комнаты внутри были убраны старинными предметами или сделанными по старинным образцам. На восточной стороне палаты в среднем жилье выступает висячее крыльцо, или

балкон, глядельня. Над ним в клейме – герб Романовых; под ним в нише – надпись на камне, начертанная уставною вязью, гласящая, при ком и когда начата и окончена постройка».

Правда, случился неожиданный курьез. Господин Рихтер, архитектор, будучи скорее западноевропейских, а не российских кровей, изобразил старину так, как она представлялась его воображению. В результате на вполне себе российском основании появилось здание, скорее тяготеющее к готике. Но много ли тогда было искусствоведов в Москве?

В результате Ф. Рихтер щедро был награжден за работу – не только гонораром, но еще и орденом Владимира (правда, предпоследней, третьей степени).

Впрочем, список претензий к архитектору Рихтеру этим не ограничивался. И если до 1917 года искусствоведы были сдержанны в своих оценках – как-никак, государев объект, – то после революции высоколобые дали своим эмоциям простор, ясное дело, примешав еще и классовую сущность: «В 1856 году, в пору романтического увлечения стариной, возникла мысль восстановить якобы родовое гнездо царствующего дома, в связи с чем значительно утратившее свой облик здание было капитально обновлено архитектором Ф. Рихтером, давшим значительный простор своей фантазии: были пристроены наружные лестницы, входные сени, добавлен деревянный верхний этаж, пробиты новые окна, сочинена вся наружная обработка и, наконец, устроено внутреннее убранство, весьма разнящееся от исторической правды; однако, в угоду царизму, вся внутренняя отделка была выполнена с большой роскошью: сделаны были совершенно не соответствующие старинному стилю специальные штофные материи для обивки стен, изразцовые печи, росписи сводов, зеркальные окна, изготовлена мебель и утварь якобы в древнем стиле и т.п., не таков был уровень тогдашних знаний о быте наших предков, и эта реставрация долгое время считалась образцовой. Кроме того, весь дом был набит разновременными предметами, связанными с памятью Романовых. Теперешняя же наука при реставрационных работах прежде всего стремится сохранить и выявить только подлинно древнее, лишь в самых крайних случаях прибегая к добавлениям нового характера; поэтому после революции, когда был вполне утрачен смысл этого прославления Романовых, основанного на ложных принципах, „дом“ был коренным образом реформирован. Архитектурная обработка, конечно, должна была остаться, но все внутреннее устройство было радикально изменено; путем устранения всех фальшивых предметов и романовских реликвий и внесением подлинно древних вещей (главным образом из собрания Оружейной Палаты) сделана попытка, по мере возможности, восстановить картину быта вельможного класса XVII в. Конечно, правильность этой картины осталась лишь приблизительной, что надлежит иметь в виду при осмотре „дома“».

В действительности не так много последовало переделок – по большому счету, все оставили как есть.

* * *

Впрочем, у людей, далеких от архитектурных знаний, не было претензий. В частности, Илья Репин именно здесь писал «Ивана Грозного». И ничего – заряжался столь необходимой ему энергетикой. Илья Ефимович писал о времени работы над «Иваном Грозным»: «Началась картина вдохновенно, шла залпами. Чувства были перегружены ужасами современности... А наша ли история не дает поддержки... Но все казалось – мало. В разгар ударов удачных мест разбирала дрожь, а потом, естественно, притуплялось чувство кошмара, брала усталость и разочарование... Я упрятывал картину с болезненным разочарованием в своих силах – слабо, слабо казалось все это... Разве возможно... Но наутро испытывал опять трепет – да, что-то похожее на то, что могло быть... И нет возможности удержаться – опять в атаку. Никому не хотелось показывать этого ужаса... Я обращался в какого-то скупца, тайно живущего своей страшной картиной».

Музей работал мало – по понедельникам, четвергам и субботам, да и то по два часа каждый день – с одиннадцати до тринадцати. Одновременно запускали максимум восемь человек. Запрещалось входить в музей в верхней одежде и калошах, с зонтиками и тросточками, а также трогать экспонаты. Предварительно следовало получить особенный билет в Дворцовой конторе Кремля. Именно получить, а не приобрести – вход в музей был бесплатным. Более того, сотрудникам музея строго запрещалось брать у посетителей какие-нибудь деньги. Даже если последние будут настаивать.

А всего сотрудников в музее работало шестеро. Справлялись.

* * *

Основная ценность «Палат в Зарядье» – не в экспонатах, а скорее в планировке. Тесные комнатки, толстые стены, низкие сводчатые потолки, узкие переходы, мрачные крутые лестницы – все это никак не вяжется с нашей действительностью и создает ощущение полного погружения в московское средневековье.

Впрочем, и экспонаты здесь прелюбопытные. Например, огромные сундуки, в которых хранились (да и сейчас хранятся) древние книги в кожаных переплетах. В то время каждая из них стоила небольшой деревни. Или деревянная лошадка на колесиках – детская игрушка времен феодализма.

Ясно, что несладко приходилось русскому боярину, даже такому родовитому. И не удивительно, что тот музей всю использовали при советской власти в качестве пропагандистского инструментария. Любопытно описание его в путеводителе по городу 1937 года: «Столовая или приемная палата. Обычно это самая большая комната в доме предназначалась для приема гостей и пиров. Главным в комнате был «красный угол», где помещались иконостас, стол и место хозяина. Единственной обстановкой были лавки, столы и поставцы, на которых в торжественных случаях выставлялась серебряная утварь. О богатстве боярина можно судить по обилию дорогих привозных тканей, серебра и других предметов обстановки (шкафчик, часы, кресло).

Светлица. В светлице выставлены пяльцы и витрина с шитыми церковными пеленами и предметами домашнего обихода. Это была комната, где женщины проводили большую часть дня за шитьем. Различные драгоценные украшения, белила и румяна были необходимой принадлежностью парадного туалета боярыни (витрина-шкаф в стене и туалетный столик).

Комната боярина. Главой дома был боярин, он занимался хозяйством, управлял вотчинами через своих приказчиков, заботился о воспитании детей (см. стол с рукописной книгой и другими хозяйственными предметами). В этой комнате находится витрина с оружием и конским убором.

Спальня. В XVII в. специальные комнаты для сна и кровати были редкостью. Спали обычно на лавках, сундуках и ларях в душных темных чуланах. Здесь же, как в наиболее надежном месте, хранились сундуки с деньгами, тканями и ценными документами.

Молельная комната. В молельню собирались для утренней и вечерней молитвы семья боярина и боярские люди (дворня). Убранство молельни – иконы древнего письма в дорогих окладах».

Здесь как бы ненавязчиво, но нарочито подталкивают посетителя-читателя к сравнению – «что было» и «что стало». Разумеется, «что стало» – лучше. Но причина не в естественном течении прогресса, а в Великой Октябрьской социалистической революции, освободившей пролетариат, крестьян, дворян и бояр.

* * *

И последний храм на этой стороне Варварки – церковь Георгия на Псковской горе, или «у старых тюрем». Она была построена в 1657 году, а в 1965-м М. Богоявленский зафик-

сировал: «Церковь долго стояла без ремонта, и на крыше выросло дерево в руку толщиной. К 1965 году ее внешне отремонтировали, но на колокольне не было крыши и рос куст высотой с человека. Кресты сбиты. Купола дырявые».

Впрочем, уже в восьмидесятые церковь отреставрировали.

Боярский модерн

Гостиница «Боярский двор» (Старая площадь, 8) построена в 1901 году по проекту архитектора Ф. Шехтеля.

Модерн в московском понимании этого слова – скорее маленькие и укромные особнячки с уютненькими двориками и как бы стекающими с крыши каменными орхидеями и ирисами, этакий среднеарифметический Шехтель. Тем не менее, существовал (и есть по сей день) другой модерн – тяжеловесный, масштабный, почти что имперский. Один из его представителей – гостиница «Боярский двор» на Старой площади. Построенная, между прочим, тоже Шехтелем. И больше того – именно за это здание архитектор получил звание академика архитектуры.

Что, впрочем, понятно. Раздавать чины за неземные домики, украшенные травами и ирисами и вызывающие совершенно четкие ассоциации с инакомыслием, декадентством, а то и с бомбистами, было бы несколько странно.

Именно здесь останавливался Максим Горький, у него гостили Федор Шаляпин и Иван Бунин. Словом, «Боярский двор» служил местом притяжения не столько бояр, сколько либерально настроенной интеллигенции.

В той же гостинице проживал и художник Маковский.

Здесь же предпочитали останавливаться и агенты из Сыскного отделения, когда им требовалось для какой-нибудь многоходовой разработки разыгрывать богатых прожигателей московской жизни. Сам заведующий всем Имперским уголовным розыском А. Ф. Кошко писал в своих заметках: «Перед отъездом Линдеру было мною приказано остановиться отдельно от Курантовского, и притом непременно в „Боярском Дворе“. Эта гостиница имела то преимущество, что в каждом номере находился отдельный телефон. Моему „Хамелейнену“ было приказано вести широкий образ жизни, каковой подобает миллионеру (это, впрочем, его не огорчило), раздавать щедрые чаевые, обедать с шампанским и т.д.»

Денег на подобные излишества не жалели. Речь-то шла как-никак о безопасности страны.

Кстати, по той же причине – наличие телефона в каждом номере – в этой гостинице селились террористы и подпольщики. И время от времени покой постояльцев нарушался весьма ощутимыми взрывами – рвались бомбы, изготавливаемые этими энтузиастами.

А в 1941 году, когда здание уже было занято Центральным комитетом большевистской партии, приключилась трагедия. В дом попала фашистская бомба. И по случайности, именно в этот момент из подъезда гостиницы выходил известный драматург А. Н. Афиногенов.

Он погиб.

Коллеги, да и вся интеллигентская Россия горевали – смерть к тому времени еще не делалась привычным делом. Татьяна Окуневская писала: «При первой же бомбежке Москвы бомба попала в ЦК партии и убит Афиногенов, захвативший сюда на несколько минут по делу. Убито прекрасное, светлое!.. Что же будет теперь с его женой-американкой, с двумя девочками в чужой стране».

Было вот что. Дженни Афиногенова жила вполне комфортно, но как-то раз решила съездить с детьми в Америку, навестить бабушку. На обратном пути на корабле отчего-то случился пожар. Дженни заживо сгорела, дети чудом выжили. Их взял на воспитание отец Афиногенова. А спустя некоторое время его переехал поезд. Насмерть.

Мистические какие-то истории.

Главная резиденция московских чертей

Церковь Всех Святых на Кулишках (площадь Варварские ворота, 2) построена в XVII веке.

Практически во всех путеводителях по городу указано: храм Всех Святых на Кулишках назван в честь победы наших войск на Куликовом поле. Якобы именно здесь в 1380 году войска Дмитрия Донского прощались со своей родной Москвой. Москва же, соответственно, прощалась с ними.

Затем – сражение, возвращение домой, победный пафос и торжественные похороны самых выдающихся героев на том месте, где их провожали. То есть все здесь же, на нынешней Славянской площади.

А после – возведение на месте погребения нового храма – Всех Святых на Кулишках.

Вроде бы все складно. Только непонятно, почему в окрестностях Славянской площади находятся еще три храма с приблизительно такими же названиями – Трех Святителей на Кулишках, Рождества Богородицы на Кулишках и Петра и Павла на Кулишках. А была еще и церковь Кира и Иоанна на Кулишках, только вот в 1933 году ее разрушили.

* * *

Так в чем же дело? Для чего столько Кулишек? Неужели все четыре храма были названы в честь Куликова поля?

Разобраться с этим не так просто. Но попробуем себе представить, что было на самом деле. Итак, хмурое раннее утро (почему-то кажется, что войско отправлялось именно в туман и поутру). Невыспавшиеся, но взбудораженные воины выходят из Московского Кремля. И дальше что? Как зомби маршируют километра полтора, после чего вдруг останавливаются и совершают ритуал прощания и молебен? Просто так, посреди поля, рядышком с посадом? С чего вдруг?

Пытаясь объяснить это явление, отдельные исследователи настолько увлеклись, что стали утверждать – дескать, войско прошло под Варварскими воротами Китайгородской крепости и сразу же за ними приняло напутствие и попрощалось. Да только вот китайгородская стена была построена лишь в 1538 году, то есть спустя почти что полтора столетия после битвы.

Очевидно, что храм существовал здесь и раньше (некоторые отважные историки даже определяют дату его появления – 1367 год). Название же этих храмов – «на Кулишках» – не более чем совпадение. Кулишки, в честь которых назван храм, в действительности располагались не под Тулой, а здесь, в нескольких километрах к востоку от Кремля. И представляли собой довольно неприглядное болото с кочками. Возможно, в темноте оно светилось. Как в книге про собаку Баскервилей.

Место было нехорошее. Именно на таких болотах расселялась всяческая нечисть, и поговорка «у черта на куличиках» не лишена оснований. Недаром именно в одном из храмов «на Кулишках» – Кира и Иоанна в 1666 году (и эта дата кажется вполне естественной) при богадельне поселился настоящий черт. «Вселился демон, выпущенный туда чародеем. Этот демон делал старухам разные пакости, не давал им покоя ни днем, ни ночью, сбрасывал их с постелей и лавок, кричал им вслух разные нелепицы; на печи, на полатах и в углах стучал и гремел».

На борьбу с «демоном» призвали отца Иллариона – монаха из отдаленной Флорищевой пустыни. К счастью, преподобному Иллариону (а он был впоследствии канонизирован) удалось изгнать из богадельни черта. Выяснилось, что черт залез туда не от хорошей жизни – князь по происхождению, он был однажды, в сердцах, послан матерью к дьяволу. И столько чувства

она в это вложила, что дьявол послушался и взял к себе младенца, после чего тот и оказался в соответствующем месте – на куличиках.

Впрочем, и в церкви Всех Святых пошаливала нечисть. Здесь, к примеру, как-то раз «иконы все попадали, свечи потухли, батюшка оглох, а молившиеся увидели жуткие сияния под куполом, да тени неведомые, да как всякая неведомая нечисть ржала и кривлялась».

Один из чертей во время этой оргии залез на колокольню, и с тех пор она наклонена на один градус в сторону Кремля (что подтверждается серьезными исследованиями, а впрочем, видится и невооруженным глазом).

Да и знаменитый «Чумной бунт» 1771 года возник благодаря этому храму. По наущению здешнего священника один из прихожан начал повсюду говорить о виденном им чуде. А явилась прихожанину сама Божия Матерь и разъяснила – дескать, чума пришла из-за того, что 30 лет никто не пел молебнов и не ставил свечи перед иконой Богородицы, висящей над Варварскими китайгородскими воротами. Прихожанин примостился у иконы и принялся собирать деньги на какую-то нелепую «всемирную свечу». Завидя жуткое скопление народа (в том числе и зачумленного), власти принялись разгонять толкавшихся перед воротами, а собранные деньги опечатали.

– Богородицу грабят, – закричали в толпе. После чего она сделалась неуправляемой.

Прихожанина на этот «подвиг» надоумил батюшка из церкви Всех Святых. Кто же надоумил самого священника, совсем не сложно догадаться.

* * *

Рядом находится еще одно довольно inferнальное сооружение – так называемый Новый деловой двор. Он построен в 1913 (да, именно тринадцатом) году по проекту архитектора И. Кузнецова по американскому типу – большие окна, коридорная система, предельная функциональность. Первые годы своего существования он олицетворял чужую, чуждую, недухотворенную сущность американского предпринимательства в отличие от нашего российского – бородатого, волглого, сивого, но такого родного, что прямо хоть плачь.

Не удивительно, что Михаил Булгаков не удержался и позвал сюда одного из своих самых жалких и трагических героев – служащего «Главной Центральной Базы Спичечных Материалов» Варфоломея Петровича Короткова из повести «Дьяволиада». Он преследовал обидчика – Кальсонера, удравшего на мотоцикле: «Короткову повезло. Трамвай в ту же минуту поравнялся с «Альпийской розой». Удачно прыгнув, Коротков понесся вперед, стучаясь то о тормозное колесо, то о мешки на спинах. Надежда обжигала его сердце. Мотоциклетка почему-то задержалась и теперь тарахтела впереди трамвая, и Коротков то терял из глаз, то вновь обретал квадратную спину в туче синего дыма. Минут пять Короткова колотило и мяло на площадке, наконец у серого здания Центроснаба мотоциклетка стала. Квадратное тело закрылось прохожими и исчезло. Коротков на ходу вырвался из трамвая, повернулся по оси, упал, ушиб колено, поднял кепку и под носом автомобиля поспешил в вестибюль.

Покрывая полы мокрыми пятнами, десятки людей шли навстречу Короткову или обгоняли его. Квадратная спина мелькнула на втором марше лестницы, и, задышавшись, он поспешил за ней. Кальсонер поднимался со странной, неестественной скоростью, и у Короткова сжималось сердце при мысли, что он упустит его. Так и случилось. На 5-й площадке, когда делопроизводитель совершенно обессилил, спина растворилась в гуще физиономий, шапок и портфелей. Как молния Коротков взлетел на площадку и секунду колебался перед дверью, на которой было две надписи. Одна золотая по зеленому с твердым знаком «Дортуар пепиньерокъ», другая черным по белому без твердого «Начканцуправделснаб». Наудачу Коротков устремился в эти двери и увидел стеклянные огромные клетки и много белокурых женщин, бежавших между ними. Коротков открыл первую стеклянную перегородку и увидел за нею какого-то человека в синем костюме. Он лежал на столе и весело смеялся в телефон. Во втором отделении на столе

было полное собрание сочинений Шеллера-Михайлова, а возле собрания неизвестная пожилая женщина в платке взвешивала на весах сушеную и дурно пахнущую рыбу. В третьем царил дробный непрерывный грохот и звоночки – там за шестью машинами писали и смеялись шесть светлых мелкозубых женщин. За последней перегородкой открывалось большое пространство с пухлыми колонами. Невыносимый треск машин стоял в воздухе, и виднелась масса голов – женских и мужских, но Кальсонеровой среди них не было».

Некоторые исследователи, смущенные зелененькой вывеской «Дортуар пепиньерокъ», всерьез полагают, что действие происходило не здесь, а рядом, в бывшем Воспитательном доме. Но это – абсурд. Не могло быть в детском приюте, пусть даже и бывшем, такой чертовщины. Просто там, в Воспитательном доме, Булгаков нередко бывал по делам, видел вывеску, запомнил ее и поставил по случаю в «Дьяволиаду». Еще бы, смешные слова-то какие – дортуар пепиньерок.

Хотя, по размышлению, ничего смешного тут и нет. Дортуар – всего лишь спальня, пепиньерка – выпускница женского учебного учреждения, оставленного при нем для подготовки в наставницы. Спальня аспиранток.

А еще именно здесь заболел брюшным тифом американский писатель Джон Рид. Он прибыл в Москву для участия во Втором конгрессе Исполкома Коминтерна, членом которого, собственно, состоял. И остановился в небольшой гостинице, которая еще до революции была тут предусмотрена. Хотя о пагубности этого решения его предупреждал сам Ленин. Биограф Джона Рида сообщал: «Рид часто бывал у Ленина в его кремлевском кабинете... Ленин решительно рекомендовал Риду поселиться в рабочем районе и говорил ему, что это – лучший способ глубоко изучить русских и понять Россию... Они беседовали на всевозможные темы иногда до рассвета, и Рид все глубже и глубже осознавал гуманизм, как и величие этого человека».

Но не послушался американец гуманиста. И вот вам результат – брюшной тиф, бессилие медиков и почетные похороны у Кремлевской стены.

А ведь еще до революции здесь чувствовалась чертовщинка. Нечистую пытались изгнать из этих стен традиционным способом – иконами. Понимали, что икон для этого потребуется невообразимое количество, потому закамуфлировали акцию под выставку.

Сборник «Русская икона» сообщал в 1914 году: «Прошлогодняя выставка древнерусского искусства в Деловом дворе дала сильный толчок для развития как частных, так и общественных собраний Москвы. Так, известный собиратель С. П. Рябушинский организует музей русской иконописи, в который войдут драгоценные иконы его собрания, известные по выставке в Деловом дворе, а также целый ряд новых икон, недавно им приобретенных».

Но одномоментная акция не дала результатов. И вскоре после выставки здесь, в Деловом дворе, в собственном кабинете был застрелен Николай Александрович Второв, главный виновник и энтузиаст постройки этого сооружения, золотопромышленник и директор правления Товарищества мануфактурной торговли «А. Ф. Второва сыновья».

Поговаривали, что стрелял в него один бедный студент, потребовавший пятьдесят тысяч рублей на обучение и получивший отказ. Говорили также, что студент был незаконным сыном Второва – а иначе, собственно, чем объяснить именно этот выбор жертвователя?

Но те, кто знал историю этого места, прекрасно понимал, что жаждущий образования убийца – лишь орудие в руках иных, непостижимых сил.

Кириллица

Памятник Кириллу и Мефодию работы скульптора В. Клыкова (Славянская площадь) открыт в 1992 году.

Сейчас даже представить себе невозможно – ну куда ж мы без кириллицы. Без нашей родной азбуки (от «аз» и «буки»), которая от века нам заменяет алфавит (от «альфа» и «бета»).

Впрочем, Москва – город чудес. И есть тут одно место, которое, хочешь – не хочешь, а заставит праздного прохожего задуматься об этом. Речь идет о Славянской площади, а точнее, о торце так называемого Ильинского сквера. Место, где возвышается памятник Кириллу и Мефодию, полулегендарным основателям кириллицы. А к памятнику ведет лестница.

Эта лестница и симпатичная площадочка появились тут сразу после Великой Отечественной войны. Однако здесь планировалось установить другую скульптуру – статую народного комиссара Виктора Ногина. Московские рабочие-текстильщики даже поставили закладной камень.

Но дальше планов дело не пошло, и в 1958 году здесь по неясным причинам открыли Доску почета передовых предприятий Московской области. А в 1992 году – памятник Кириллу и Мефодию работы скульптора Вячеслава Клыкова.

Сам монумент – две фигуры из бронзы. В руках у них – свиток с кириллицей. Между ними – крест. Постамент тоже бронзовый. На передней стороне постамента надпись: «Святым равноапостольным первоучителям словенским Мефодию и Кириллу благодарная Россия».

На правой стороне постамента – картуш с надписью: «Вы же чада возлюбленные послушайте учения божия иже в последние времена предана весть вашего ради спасения».

На левой стороне постамента – картуш с надписью: «Слово и Дело книги проповедают».

То есть, пафоса хоть отбавляй. Может быть, и уместного. А, возможно, и нет.

Автору особенно понравилось, что на противоположенной стороне Ильинского сквера стоит часовня в память о грендерах, погибших под Плевной. «Какая символика! – говорил он. – Эта ось выявляет и подчеркивает древние славянские связи, основанные на общности культур, общем праязыке, сопредельности территорий и христианской веры».

Открытие было красивым. Московские голубеводы выпустили четыре сотни птиц. По воле Патриарха все они были белыми. Памятник вписался в окружающее его пространство. Кажется, он стоял тут всегда.

Правда, уже после открытия обнаружилось, что азбука, изображенная на монументе, несколько отличается от той, которую придумали Кирилл с Мефодием. Иначе говоря, она с ошибками. В третьей строке, к примеру, целых две буквы «земля». Да и порядок несколько нарушен.

Но мало кто способен разобраться в таких тонкостях.

Кстати, поначалу многие москвичи, видя двух бородачей и нечто, напоминающее книгу, думали, что это – очередной памятник Марксу и Энгельсу (время-то было совсем постсоветское). Но в скором времени освоились.

Обитель Салтычихи

Ивановский монастырь (улица Забелина, 4/2) предположительно основан в 1530 году Еленой Глинской.

У истока улицы Солянки, в глубине квартала, на слиянии улицы Забелина со Старосадским и Хохловским переулками находится Ивановский монастырь.

Дата основания его, а также обстоятельства этого факта неизвестны. Принято считать, что монастырь основан Еленой Глинской, матерью царя Ивана Грозного как раз в честь рождения сына.

По всей видимости, аура самого деспотичного российского царя сработала и в этом случае. Монастырь использовали не только как место спасения души, но и как тюрьму. Притом для самых высокопоставленных страдалцев. Содержались здесь Мария Шуйская, Августа Тараканова и Дарья Салтыкова, более известная как Салтычиха. Будучи одной из помещиц Подольского уезда, она истязала и умерщвляла собственных крепостных – преимущественно женщин и преимущественно за якобы плохое мытье полов. Убивала лично, с помощью нехитрого инструментария – палок, скалок, полешков. Если уставала, призывала конюхов – и те до смерти забивали жертву плетками. Конечно, на глазах у «душегубицы и мучительницы».

Следствие, проведенное по ее делу, установило, что помещица замучила до смерти 138 человек (и то – по приблизительным подсчетам). За это она была приговорена к смертной казни, которую в последний момент заменили пожизненным заточением.

Салтычиху содержали в келье Ивановского монастыря. При этом от улицы ее загораживала лишь железная решетка, и многие прохожие тыкали в узницу палками и швырялись гнилой пищей. Та ответно отплевывалась.

В заключении бывшая барыня прожила 33 года, родив там ребенка. Куда его дели, и был ли он вовсе на свете, осталось в неизвестности.

Кстати, при всем Дарья Салтыкова не производила впечатления законченного монстра. В каком-то роде даже миловидная, она довольно рано вышла замуж, столь же рано овдовела (собственно, после смерти мужа у нее и начались приступы нечеловеческой жестокости), а после влюбилась в Николая Андреевича Тютчева, офицера, будущего деда будущего знаменитого поэта. У них даже был роман, что и не удивительно – в чем-то эти дворяне подходили друг другу. Иван Аксаков, например, писал, что «в половине XVIII века... брянские помещики Тютчевы славились лишь разгулом и произволом, доходившими до неистовства».

Однако же деяния Салтыковой оказались чрезмерны даже для представителя столь яркого семейства. Узнав о них, он сразу же подал назад и в скором времени обручился с московской дворянкой Пелагеей Денисовной Панютиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.